

Н. Идатчиков

Полковник был бы
доволен

16+

Николай ИДАТЧИКОВ
Полковник был бы доволен

«ЛитРес: Самиздат»

2016

ИДАТЧИКОВ Н.

Полковник был бы доволен / Н. ИДАТЧИКОВ — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Истории о дружбе, службе, что заставляет верить в лучшее. Последнее - о мести телохранительниц за убийство лидера страны. Приговор вынесен рядовым исполнителям, но завершится только после казни президента великой державы. События происходят в одной северо-африканской стране в текущем десятилетии. Тайные солдаты Бенгази отдыхают.

© ИДАТЧИКОВ Н., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

ХАЛВА	5
РЫЖИК	7
ПОДАРОК	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

ХАЛВА

Как-то неожиданно подошел к концу сезон, вместе с ним закончилась и хорошая погода. Народ грузил на подошедшую к нашей стоянке "Зарю" палатки, ящики с материалами раскопок, грузились сами. Имущества было много, а грузили на самый верх теплоходика, там же и сами устроились, чтобы не шокировать пассажиров своим бродяжьим обликом. Вообще-то поездка "верхом" на "Заре" – явное нарушение с точки зрения речного начальства, но зато – свидетельство особых отношений нашего шефа с речниками, поэтому мы и пользовались такими поблажками и были своими у команды. «Речники не раз бывали у нас в гостях, на наших праздниках типа "дня археолога" или "посвящения", дивились на наше дикое житье-бытье и, конечно, неоднократно бывали на раскопках. Они не очень верили, что мы ищем не золото, а кости и камни, принадлежавшие далеким предкам, для которых драгметалл ничем не отличался от гальки, а с точки зрения пользы – так вообще был негодным.

Последние прощальные глотки воды из Ковы – как велит обычай -

и мы отходим под рев сирены и "марш славянки" хотя слышат это

только бакенщик да, может, рыбаки на шиверах, но у речников свои

правила и шик.

К вечеру добрались до Богучан, выгрузились и сразу в аэропорт, но билетов на самолет было всего два на девять человек. Шефа с нами не было, он шел с Сейфом на «моторке», которую нужно было пригнать в Красноярск на зимовку, и помочь нам своими связями с местным начальством не мог. Двое сели в самолет и забрали большую часть груза. Нам остались только рюкзаки и спальники.

Все, в общем, шло нормально, но у меня страшно разболелась голова, боль валила с ног, пришлось устроиться прямо на полу в зале ожидания. Парни устроили ложе и, похоже, были несколько растеряны: как это человек, у которого рот как говорится, не закрывался постоянно шутивший и балдевший всю дорогу вдруг свернулся клубком и буквально корчится от боли. Аптека закрыта – воскресенье, с собой таблеток не возили – всем не более 22 лет, народ хронически здоровый. Правда, магазины работали, их здесь было немало в то время. Решено было к приезду шефа купить водки и чего-нибудь поесть – начинающийся дождь должен был сделать начальство терпимым к нашей предприимчивости. Да и как-то надо было убить время, а поход за "товаром" был единственно возможным способом.

Седой осторожно тронул за руку: «Тебе чего-нибудь надо?» Башка раскалывалась на части, найденные у пассажиров разномастные таблетки еще не помогали, я, не открывая глаз, попросил: «Халвы, если будет».

Дальше память диковинно перепутала явь и сон, объявление рейсов, бормотание телевизора, и вместе с этим я бегу от стаи собак, и дикий хохот из таежной темноты, и снова просыпаюсь от приступа боли, а через минуту лечу в пропасть, охваченный ужасом от встречи с еще чем-то более страшным.

Не знаю сколько прошло времени – час или два, вдруг – слышу в полусне знакомые голоса. Стараясь меня не разбудить, парни говорили о чем-то потихоньку. Смысл до меня не доходил. Видимо, я шевельнулся, и разговор стих. Я снова почувствовал грубоватую, неловкую руку Седого: "Дато, держи". На его ладони лежало грамм двести подсолнечной халвы в хрустящей оберточной бумаге. Где они ее нашли? Видимо, долго пришлось ходить. Что-то подступило к горлу, подкатило к глазам, пришлось отвернуться. Затем, собрав, как у нас говорили,

"всю железную волю в кулак", предложил: «Угощайтесь!» Пацаны, глянув на сверток, дружно скривились, а Седой буркнул: "Ага, счас, я сладким не закусываю, рубай, если нравится».

Кругом сидели мужики и шеф, уже была распечатана «белая», стояли тушенка и зеленый горошек, лежал горкой покромсанный хлеб. Шеф рассказывал о перипетиях дороги, дожде, завеса которого мешала в Мурском пороге, как пришлось менять винт после столкновения с топляком. Все было как всегда: дружно гоготали, подзуживая друг друга, как это всегда бывает у людей, которым хорошо только потому, что просто снова вместе.

Халвы не хотелось, но я пожевал чуть-чуть и вдруг понял, что боли нет. Когда она исчезла, я не заметил, что было тому причиной – таблетки, сон, халва или все сразу и вместе – не знаю.

Через два часа все спали. А домой мы добрались только через двое суток: день-"Зарей" и еще один – автобусом, проклиная судьбу и немножко шефа за то, что не смог отправить нас самолетом.

А халву я люблю по-прежнему и всегда покупаю, когда есть возможность. Но та останется в памяти навсегда как напоминание о прекрасном времени, о том, « как молоды мы были...".

примечания:

Шеф – Дроздов Н.И., руководитель археологической экспедиции

Седой – Седых Сергей, тогда студент

Сейф – Сейфулин Коля, тогда тоже студент, но пользующийся огромным доверием шефа, руководитель отряда археологов на р. Кова

Дато – Автор, тогда студент, сейчас учитель сельской школы

«Пацаны» – друзья-археологи из далекого 1979 года

РЫЖИК

Предновогодние хлопоты потребовали немедленного посещения нашего сельского магазина. Руководителем закупочной «экспедиции» назначили младшую дочь Людмилу, а я должен был отвечать за транспорт. Пять минут – и мы на торговой площади села, где непосредственно и в ближайшем окружении расположена вся наша торговая сеть.

Дочь помчалась со списком заказов обследовать магазины, а я вынужден был общаться с магнитолой и посматривать по сторонам, невольно обращая внимание на происходящее в ближайших окрестностях.

А в окрестностях особенного ничего не происходило. У ларька двое мужчин считали наличность и о чем-то спорили, куда-то неторопливо направлялась небольшая стайка собак.

Вдруг одна из них, лохматая и приземистая, по всему виду – заводила, погналась за небольшим рыжим песиком, мечтая надрать ему холку за неуважение или за другие какие грехи. У собак это также сложно, как и у людей. Но у Рыжика были другие планы, он внезапно рванул в сторону моей машины и заскочил под нее. Лохматый агрессор, рыкнув для порядка, важно затрусил к поджидавшим его собратьям и возглавил прерванный поход по своим, нам неведомым, собачьим делам.

Рыжик выбрался из-под днища, огляделся и, уверившись в собственной безопасности, начал обнюхивать снег, обследуя местность, которая избавила его от неминуемой трепки. Затем он заметил меня в машине и сел в метре напротив дверцы, как бы говоря:

–Привет, как дела?

Я улыбнулся, и дружески кивнул, мол, все в норме. Наклоняя голову то влево, то вправо он внимательно смотрел на меня и как бы продолжал немой диалог:

–Что так и будем сидеть и глазеть друг на друга?

Видно было, что жизнь у него не комнатная, хлеб достается нелегко и, тем более, нерегулярно, но это не сделало его покорным судьбе. Он вроде как собачий Гаврош: с чувством собственного достоинства, никогда не унывает и из всякого трудного положения найдет выход. Тем более, никогда не станет унижаться и кланяться подачки. Я открыл дверцу и протянул руку.

–Что, угощаешь? – как бы спросил он, и подошел к машине, обнюхал руку, отошел и опять сел на прежнее место. Никакого разочарования на его умной, внимательной мордочке не было, он воспринял это так, будто мы просто познакомились поближе, вроде рукопожатия. Ну а то, что он не получил чего-нибудь съедобного, так это отнес на счет моей некоторой невоспитанности, что ж, бывает. Ничего не изменилось в его поведении, в наших внезапно возникших приятельских отношениях. Он всем своим видом показывал, что все в порядке, что он не заметил допущенной мной неловкости. Ведь все на свете знают, что подзывают для того, чтобы поделиться чем-то вкусненьким.

А мне было стыдно, хотя я виду не показывал, продолжая многозначительно кивать и гловато-извиняюще улыбаться. Дело в том, что в машине не было ничего съедобного. Дочь носилась из магазина в магазин, наконец, она зашла в последний, откуда путь был только обратно, домой. Это был, как мне казалось, блестящий повод, или вернее сказать – уважительная причина, чтобы отъехать и не видеть больше этих на все сто понимающих глаз доброго, нечаянного приятеля.

Машина завелась сразу и я, сделав небольшую петлю, подъехал к дверям торгового заведения, за которыми только что скрылся мой непосредственный на данный момент начальник. Через пару минут, повернув голову влево, я увидел Рыжика, который сидел также в метре от дверцы и дружески смотрел на меня. Он и не собирался оставить наше общение незавершенным. Весь его вид говорил:

–Давай еще поболтаем, это же нас ни к чему не обязывает, тем более скоро праздник, год Собаки.

Я улыбнулся и всю неловкость как рукой смело. Внезапно в машину с котомками вломилась начальница по закупкам и потребовала немедленно доставить ее к месту постоянного проживания, где на кухне ее давно дожидаются оставшиеся без необходимых продуктов сосоварищи по приготовлению праздничного стола. Ее появление меня очень обрадовало, так как, наверное, что-то из купленного могло быть преподнесено моему новому приятелю в качестве небольшого Новогоднего поздравления.

Мы остановились на яйце. Я торжественно открыл дверцу, со всей важностью грохнул яйцо об наст перед Рыжиком. Он поднял умную головку как бы говоря:

–Ну, это лишнее, но если ты настаиваешь...

И спокойно, неторопливо – все-таки праздничное блюдо, принялся есть. Мы, тоже соблюдая приличие и такт, потихоньку поехали домой. Я всю дорогу объяснял Люде как мы познакомились с Рыжиком, какой он интересный и умный. Предпраздничное настроение стало совсем праздничным. И все благодаря этой недолгой, даже какой-то сказочной встрече с забавным псом.

И я для себя твердо решил, что теперь всегда буду возить в машине какой-нибудь сухарик или конфетку – вдруг опять встречу Рыжика.

ПОДАРОК

Нынче летом я автостопом рванул в Абакан к сродному брату. Давно не виделись, он недавно переехал сюда с “северов” на постоянное жительство.

В общем, получилось лучше некуда – сюда же приехала его сестренка Аня с мужем Виталием. Они набрали черники и решили ее продать: зарплаты-то четыре месяца нет, а жить надо, благо, они рядом с тайгой живут.

Ну, ягоду продали, затарились всяким нужным для душевного разговора товаром и наконец-то устроились на кухне. Дальше, как обычно, закусили, разговорились. Сначала о семье и родственниках, делах, но с этим разобрались довольно быстро.

Виталья – классный охотник, стреляет с левой и правой, причем во все попадает. В свои сорок – строен и красив. Интересных случаев и историй из жизни у него куча в запасе, слушай – не переслушаешь. Но вдруг он замолчал и, внезапно изменившись в лице, заговорил снова: – Ты знаешь, у меня тут было такое, что бывает, наверное, один раз в жизни.

Видимо, он рассказывал это уже не раз, но чувствовалось, что эти воспоминания до сих пор волнуют его.

– Аня уже слышала про это, и мы вместе решили, что это была судьба. Мы были еще не женаты, но все скоро должно было решиться. Я в это время учился заочно и был на сессии в Иркутске. Экзамены сдал и собрался лететь домой. Дело было как раз под Новый год, народу в порту тьма и задержки еще. Что делать, сидим, ждем.

И тут я увидел ее... Знаешь, как гипноз какой-то, стройная, волосы черные, жгучие глазищи в пол-лица. Я все забыл, про Аню, про свадьбу. В общем, прилип к ней, как пацан, нес всякую чепуху, смешил, хвастался. А она молчит, улыбается, так, скажет слово-два и все. А меня это еще больше заводит. Я ей уж замуж предлагаю выйти, обещаю, что будет жить, как у Христа за пазухой, соболями завалю, в доску, мол, разобьюсь, а все у тебя будет.

А она только улыбается и молчит. Где-то часа два это продолжалось, хотя время пролетело незаметно. Вдруг объявили регистрацию сразу на несколько рейсов. Все задвигалось, смешалось.

Потом я уже был в накопителе, перед самым выходом к самолету. Народу, как селедки в бочке, сразу на несколько рейсов. Холодина, пар от дыхания висит, стоим, мучаемся.

Вдруг вижу, впереди меня парень лет двадцати пяти спокойно так у стоящего впереди мужика бумажник из кармана вытаскивает. А тот не чувствует, стоит как стоял.

Я тихо вора за рукав беру и шепчу: “Положи на место!”. А он и ухом не ведет, как будто это я сам с собой беседую. И тут чую – мне в спину что-то острое и холодное входит, так, на полсантиметра. Ну, думаю, влип! В такой толкотне зарежут, и пикнуть не успеешь! Оглянулся – сзади тоже парень стоит и даже не смотрит на меня, чуть ли не зевает от скуки. Но дальше свое “жало” не втыкает. Так и стоим. Что делать, черт его знает.

Вдруг от входа в накопитель громко что-то сказали, коротко так. Смотрю, вор бумажник обратно – бац! А тот лопух даже ухом не ведет, вор повернулся и пошел протискиваться к выходу.

Чувствую – “шило” тоже убрали. Смотрю назад, вижу: она у входа, а по накопителю с разных сторон мимо нее, как змейки, люди двигаются, да много так, и – на выход.

Тут я опять, как кролик к удаву, иду к ней, как будто тянет кто-то, как околдованный, прямо. Подхожу, а она посмотрела на меня и бросила: “Живи!» – и вышла.

Мороз под тридцать, а с меня пот в три ручья. В общем, понятно, что если бы я за ней не ухаживал, прикололи бы точно.

Стало тихо и как-то неловко, что ли.

– Ну, нам пора. – Виталя поднялся, хотя было видно, что он еще там, в аэропорту, еще слышит раз за разом небрежно брошенное: “Живи!”.

ПОДСТАВА

Так получилось, что я пошел служить в двадцать пять лет. Так как был сельским учителем, то призыву не подлежал. Каждый год весной и летом проходил вместе с призывниками медосмотр и снова на работу. Наконец удалось найти понимание в райкоме партии, и в мае проводили меня на полтора года в армию. Ученики подарили альбом на память, коллеги устроили небольшую вечеринку, а вот домашние устроили все как надо: с родственниками, гостями и одноклассниками. На полгода попал в учебку, сразу продвинули в комсорги роты, приняли кандидатом в партию. Всё было устроено на все полтора года: мордовать не будут, в партию примут, звание старшего сержанта обеспечено. А в конце – курсы летёх и на дембель. Красота, и все это в городе-герое Минске. Но я тогда был человек правильный, а может упертый. Решил армию посмотреть, за границу съездить за счет государства. На уговоры начальства не поддавался и поехал, вместо обещанной группы войск в Германии, в Туркестанский военный округ. Причем округ был воюющий, на дворе осень 1984 года.

Было нас из учебного взвода трое. Привезли в пересылку, откуда направляли по частям. Однополчан быстро отправили «за речку». Причем делалось все ночами и в большой спешке. Вот в такой спешке уехал за речку и весь мой багаж: рюкзак с вещами, шинель, парадка – все солдатское барахло, выданное в учебке. Уехал с каким-то бойцом и комсомольский билет. Остался, в чем ходил, но военный билет был на месте, в нагрудном кармане. Наконец распределили меня и других товарищей в ашхабадскую дивизию. Еле-еле взяли, потому как вещей при мне нет, а должны быть, и сопровождающие не хотели брать на себя эту проблему. Нашелся робкий сержантик фельдшер, которому меня и всучили. Поездка в вагоне с постоянно ржущими призывниками, обкуренными анашой, была бы самым запомнившимся приключением, но в соседнем вагоне ехали дембеля из Закавказья. Они пытались пожитьяся, но призывники были в наркотическом угаре и только ржали, а наши солдатики проявили норы и послали гостей подальше. Взвесив количество и настрой сторон, старослужащие успокоились и удалились.

Но приключения шли по нарастающей. Сержантик привез нас в штаб, сдал бумаги и слинял, перекрестившись, что все обошлось, и ему не влетело. Была суббота. Мы сидели на плацу, без еды, без воды, никто не подходит, ничего не командует. Попытка обратиться к проходящим офицерам закончилась ничем – суббота, начальства на месте нет. Среди нас оказался парень, прослуживший год, а значит более тертый. Куда-то сбегал, с кем-то договорился, и нас после проверки тайком провели в столовую, дали хлеба. Потом запустили в казарму, и мы до подъема устроились на полу. Утром мы снова разместились на плацу. Но тут нас стали гонять офицеры, потому что беспорядок! Сержант и я, как самый взрослый, двинулись в штаб. На раз третий удалось пройти и найти дежурного по части. Он все понял, заочно отматерил сбежавшего сержантика, который чего-то не доложил кому надо. Но решение дежурный принял правильное: назначил старшим сержанта, составили список, всех пристроили на кормежку в столовую и на ночлег, хотя и опять на полу. В понедельник выдали всем сухпай на три дня, распределили по частям. Я получил проездные в г. Теджен, в учебный батальон.

Прослужил недолго: гепатит не дремал, и на два месяца я загремел в госпиталь. Находился он в Марах, лечили здесь витаминами, жили в огромных солдатских палатках с двумя печками. Топливо воровали на станции за забором: то уголь, то саксаул. Там же и встретили Новый год. Прибыл в часть в феврале. Здесь тоже все устроилось, стал комсоргом батальона, выделили в штабе каптерку. И служба была однообразной: дежурство по штабу, как говорилось «через день на ремень». Приказы до офицеров доводить, следить за поливкой газонов и утром не проморгать приход командира батальона и начальника штаба. Остальное время –

спи-читай. Из развлечений вне дежурства можно назвать только утреннюю пробежку – 3 км до Теджена и обратно, все это от скуки. Хотя там же бойцы из «учебки» медиков таскали на себе друг друга, тренируя выносливость и готовность вытаскивать раненых. Весь гарнизон был учебным. Готовились все кадры, в том числе и нашим батальоном, исключительно для 40-й армии. Танкисты, медики, шоферы, ремонтники – всех забирал Афган. Иногда приходилось успокаивать куражившихся старослужащих, которых мордовали год назад такие же хлопцы. Не раз прятал в каптерке дембельские альбомы, когда комроты наводил порядок и грозился все пожечь. Комсорга не проверяли: не положено. К тому же я уже год ходил кандидатом в партию, а это тоже играло роль и немалую.

В апреле начались отправки служивых из учебки в Афганистан. Я был неплохим комсоргом, мог поставить вопрос перед начальством о качестве еды, не молчал на партийных собраниях. И решил, что должен я подать рапорт на отправку в Афганистан. Как-то стыдно стало что ли. Решение пришло не вдруг, крепко подумал. Домой решил не писать, чего беспокоить. Тем более, служить оставалось полгода. Рапорт подал по команде, начштаба майор Фролов был мужик прямой и крутой. Фактически он и командовал батальоном. Получив на руки рапорт, спросил:

–А тебе зачем это?

– Решил, что так надо, а то только болтаю, получается. Пацанов не спрашивают, отправляют. А мне 25 лет, сижу тут, агитирую за Родину.

Фролов впервые удивленно, с интересом взглянул на меня. То, что я образован, умел складно говорить – это он не считал важным и искренним.

– Не дури, забери рапорт. Надо будет – отправят и не спросят, чего переться на рожон!

Я потупился:

– Забрать не могу, я решил.

–Ну, что ж, рапорт отправлю по команде, ждите.

Майор положил рапорт в ящик стола. Случайно о моем рапорте узнали в роте. Сам проболтался. Старослужащие сразу решили, что это я зря, погорячился. Но трое парней помоложе тоже подали рапорта, чтобы добровольцами пойти в Афган. Снегирев Жека, (Снегирь), увалень, борец-вольник. Володя Балабас, длинный, нескладный, голос как удава из мультика «33 попугая», классно рисовал в дембельских альбомах. Леша Блохин (Блоха), вылитый двойник знаменитого футболиста, невысокий, но коренастый. Все по году службы, всем по 19 лет. Пробыло их что-то, решили участвовать, у многих там были товарищи, знакомые. Ну, подали и подали.

Служба пошла своим чередом. Осенью демобилизация, а ехать домой мне не в чем: все сперли еще на пересылке. Правда, оттуда выдали бумагу, что вещи утрачены не по моей вине. Шинель и сапоги подобрали из бэушных еще зимой. А летом мне по рапорту выдали новую парадку. Не хватало только новых сапог. Сходил в Теджен, купил кирзовые сапоги в магазине. Парни в мастерских стачали к ним высокие, по армейской моде, каблуки. Ушита была парадка, оснащена офицерскими пуговицами и эмблемами. Оставалось только найти новую, или около того, шинель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.